

В. Г. Заблоцкий

О ПОДХОДЕ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПРЕДМЕТА ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ ВИНОВНОСТИ ОБВИНЯЕМОГО В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Для обеспечения эффективности борьбы с преступлениями наше государство требует от органов предварительного расследования и суда, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден (ст. 2 Основ уголовного судопроизводства¹, ст. 2 УПК РСФСР²). В соответствии с этим требованием ст. 15 ОУС (ст. 68 УПК РСФСР) предусматривает, что наряду с другими обстоятельствами подлежит доказыванию и виновность обвиняемого в совершении преступления (п.2), а ст. 43 ОУС (ст. 309 УПК РСФСР) указывает, что обвинительный приговор постановляется лишь при условии, если в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления доказана.

Виновность обвиняемого в совершении преступления является, следовательно, своеобразным объектом (или частью объекта) познания в уголовном деле и в таком качестве она представляет собой определенную совокупность элементов психического процесса, обеспечивающего регуляцию преступного поведения. Ведь уголовный процесс, как известно, есть форма (способ, средство) реализации уголовной ответственности, а осуществляемое в нем доказывание направлено на установление необходимых для ее реализации предпосылок, т. е. совокупности фактических обстоятельств (признаков) исследуемого деяния, соответствующих юридическим признакам

¹ В дальнейшем сокращено: «ОУС».

² Ссылаясь здесь и в дальнейшем на статьи УПК и УК РСФСР, мы имеем в виду также и соответствующие им статьи УПК и УК других союзных республик.

состава конкретного преступления. Для выявления же их соответствия возникает необходимость в постоянном соотношении фактических обстоятельств дела в процессе их установления с юридическими признаками того или иного состава преступления. В результате такой деятельности, когда устанавливаются все фактические обстоятельства (признаки) исследуемого деяния, завершается процесс его квалификации (см. : 11. С. 7—20; 10. С. 57—63). Отсюда следует, что уголовно-процессуальные термины, обозначающие подлежащие доказыванию по делу обстоятельства, должны быть подчинены терминам уголовно-правовым, обозначающим признаки состава преступления, и должны конкретизировать последние применительно к задачам доказывания фактических обстоятельств уголовного дела.

Поскольку же одним из необходимых элементов состава любого преступления является его субъективная сторона (или вина лица), то среди подлежащих доказыванию обстоятельств уголовного дела должно быть и соотносимое с ним обстоятельство, признаки которого при исследовании деяния сопоставляются с юридическими признаками данного элемента состава преступления для выяснения соответствия между ними. Если же такое обстоятельство в процессе исследования деяния соотносится с субъективной стороной состава преступления (или виной лица), то оно должно, разумеется, представлять собой тоже субъективную сторону исследуемого деяния, а обозначение такого обстоятельства в уголовно-процессуальном законодательстве должно быть соотносимым с обозначением данного элемента состава преступления, быть производным от него и однозначным с ним. Именно это и наблюдается в ст. 15 ОУС (ст. 68 УПК РСФСР), где среди обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, наряду с объективными обстоятельствами исследуемого деяния указана виновность обвиняемого в совершении преступления (п.2), отражающая, несомненно, его субъективную сторону (вину лица).

Поскольку закон (ст. 8 и 9 Основ уголовного законодательства¹, ст. 8 и 9 УК РСФСР) предусматривает две формы вины, каждая из которых, в свою очередь, подразделяется на два вида, то все это указывает на довольно широкий диапазон в преступных проявлениях элементов их субъективной стороны. Поэтому для успешного познания данного объекта

¹ В дальнейшем сокращено: «ОУЗ».

субъектом доказывания последнему необходимо иметь четкое и правильное представление о характере и объеме, а также о последовательности подлежащих разрешению вопросов, т. е. о предмете исследования в уголовном деле при установлении виновности обвиняемого в совершении преступления¹. Между тем данный аспект виновности обвиняемого как подлежащего доказыванию при производстве по делу обстоятельства не привлек еще к себе должного внимания ученых и не получил своего разрешения в юридической литературе. К тому же его разрешение сопряжено со значительными трудностями. Обусловлены они тем, что установление виновности лица в совершении преступления органически связано, как уже отмечалось, с установлением в его деянии состава преступления, а законодательные конструкции составов конкретных преступлений содержат указания только на некоторые из числа всех возможных в преступных проявлениях элементов субъективной стороны, предусматривающие в качестве субъективной предпосылки уголовной ответственности не только ту или иную форму вины, но и вид умысла или неосторожности. Ведь конкретное психическое отношение лица к общественно опасному деянию и последствиям своего деяния в момент его совершения — «это те рамки, в которых отрицательное отношение лица к интересам общества составляет сущность вины и обуславливает ответственность субъекта. Помимо этих рамок не выразившееся в преступлении отрицательное отношение лица к интересам общества к понятию вины не принадлежит и уголовную ответственность не обуславливает» (5.С.67—68). О наличии же у лица порицаемого уголовным законом негативного отношения к нарушенным его деянием, интересам общества можно судить, только установив, что отношение лица к деянию и последствиям своего деяния в момент его совершения соответствует законодательным определениям форм вины. Иначе говоря, вне социально-политической и правовой оценки субъективной стороны совершенного лицом деяния (и самого деяния) нельзя говорить о его виновности в совершении преступления. Как известно, квалификация преступления представляет собой процесс, который завершается установлением и оценкой с точки зрения уголовного закона всей совокупности юридически значимых фактических обсто-

¹ Говоря о предмете исследования, мы имеем в виду обстоятельства или элементы именно субъективной стороны Деяния, а не объективной его стороны, на основе или посредством исследования которых устанавливается виновность (вина) лица в совершении преступления.

ятельств совершенного лицом деяния, в том числе и субъективной его стороны (см. : 11. С. 20, 70). Доказанность совершения общественно опасного деяния определенным лицом и его виновности в совершении преступления служит, таким образом, основой для установления в деянии состава преступления, а выявление соответствия внешней и внутренней сторон совершенного лицом деяния юридическим признакам состава данного преступления выступает, в свою очередь, в качестве необходимого условия для оценки психического отношения лица к деянию и последствиям своего деяния в момент его совершения как виновности лица в совершении преступления. В силу органической взаимосвязи установления виновности лица и состава преступления в его деянии как раз и возникает нечто вроде «заколдованного круга» в определении характера и объема вопросов, подлежащих разрешению при установлении виновности обвиняемого в совершении преступления, чтобы определить, какие именно элементы субъективной стороны совершенного лицом деяния подлежат выяснению, необходимо, оказывается, знать, о составе какого преступления идет речь в рассматриваемом случае. Для определения же вида состава преступления наряду с фактическими признаками (обстоятельствами) объективной стороны совершенного лицом деяния требуется оценить и фактические признаки (обстоятельства) субъективной стороны с точки-зрения их соответствия юридическим признакам состава конкретного преступления. Для производства же указанной операции элементы (обстоятельства) субъективной стороны деяния должны быть уже известны, установлены.

Взаимосвязь и зависимость между элементами психического процесса, обеспечивающего регуляцию преступного поведения, свидетельствует о его единстве. Поэтому для преодоления трудностей в определении предмета исследования при установлении виновности обвиняемого в качестве необходимых следует рассматривать все те элементы субъективной стороны из многообразия их в преступных проявлениях, которые в принципе могут иметь юридическое значение. Знания такой их совокупности станет надежной предпосылкой для правильного суждения о содержании и форме вины лица и, таким образом, о наличии в его деянии состава преступления.

Предлагаемый подход к исследованию элементов субъективной стороны деяния при доказывании виновности обвиняемого в совершении преступления соответствует требованиям диалектики и закона о всесторонности, полноте и объ-

ективности исследования всех обстоятельств уголовного дела, среди которых данное обстоятельство не представляет собой исключения. К тому же при этом подходе не вносятся каких-либо осложнений в деятельность субъектов доказывания, ибо решения о характере и содержании всей совокупности элементов субъективной стороны деяния они будут принимать на основе тех же фактических обстоятельств уголовного дела в результате психологической их интерпретации. При ином подходе изложенные выше трудности оказываются непреодолимыми. Не случайно ведь даже в немногочисленных исследованиях авторы по-разному определяют как характер и объем, так и последовательность подлежащих выяснению вопросов при установлении виновности (вины) обвиняемого в совершении преступления.

Так, по мнению В. Я. Дорохова и В. С. Николаева, при разрешении вопроса о виновности лица суду необходимо: 1) выяснить, предвидел ли и мог ли предвидеть подсудимый наступившие последствия; 2) убедиться в том, сознавал ли подсудимый преступный характер своих действий и последствий, которые они за собой повлекли; 3) установить форму вины — умысел или неосторожность; 4) выявить мотивы, которыми руководствовался подсудимый, и цель, которую он преследовал, совершая преступление; 5) установить степень его вины; 6) установить вид умысла (прямой или косвенный) либо неосторожности (самонадеянность или небрежность) (см.: 8.С.107—114).

Н. В. Жогин и Ф. Н. Фаткуллин полагают, что для выяснения виновности лица в совершении преступления по каждому делу необходимо проверить: «Предвидело ли или должно было и могло ли предвидеть оно общественно опасный характер своих действий (бездействия) и их вредные последствия. Если собранные фактические данные свидетельствуют о виновности субъекта правонарушения, то следует конкретизировать формы и степень его вины — установить, умышленно или по неосторожности совершено им преступное деяние и каковы его роль и фактическое участие данного лица в осуществлении преступных намерений и достижении их результата. Вместе с тем надо выяснить мотив и цель преступления, вскрыть те побудительные факторы и стремления, которые толкнули виновного на общественно опасные действия» (9. С. 101).

Согласно же мнению М. Нокербекова, виновность обвиняемого устанавливает и характеризует следующая «совокуп-

ность обстоятельств»: 1) событие и объективные признаки преступления; 2) кто совершил преступление; 3) мотив и цель совершения преступления; 4) сознавало ли лицо, совершившее преступление, общественно опасный характер своего действия или бездействия; 5) предвидело ли это лицо общественно опасные последствия своего действия или бездействия; 6) желало ли оно наступления этих последствий; 7) сознательно ли допускало наступление этих последствий; 8) предвидело ли возможность наступления общественно опасных последствий своего деяния или бездействия; 9) легкомысленно рассчитывало ли на предотвращение наступления общественно опасных последствий своего действия или бездействия; 10) не предвидело ли лицо возможность наступления таких последствий; И) должно ли оно было предвидеть возможность наступления общественно опасных последствий; 12) могло ли предвидеть возможность наступления их; 13) обстоятельства, предшествовавшие совершению преступления; 14) обстоятельства, сопутствовавшие совершению преступления; 15) обстоятельства, последовавшие за совершением преступления. При этом автор поясняет, что наличие обстоятельств, указанных в пп. 1—6 и 13—15, устанавливает и характеризует прямой, а в пп. 1—5, 7, 13—15 — косвенный умысел. Наличие же обстоятельств, указанных в пп. 1—3, 8—9, 13—15, устанавливает и характеризует самонадеянность, а в пп. 1—3 и 10—15 — небрежность (см.: 13. С. 14—15).

С В. Бородин и другие авторы пришли к выводу, что по делам об убийствах «при доказывании вины подсудимого суд прежде всего решает вопрос об отграничении ее от случайного причинения смерти... Затем подлежит доказыванию форма вины подсудимого» (4. С. 89; 12. С. 166). В последней работе авторы дополнительно указывают на важное значение установления мотива и цели преступления (см.: 12. С.167).

Иной подход к определению предмета исследования при установлении виновности обвиняемого предложили П. С. Дагель и Р. И. Михеев, которые справедливо при этом отметили, что приведенные мнения либо «не в полном объеме охватывают законодательные признаки субъективной стороны, подлежащие установлению при разрешении уголовного дела, или не совсем последовательны логически, либо им присущи оба указанных недостатка» (6. С 151). Авторы исходят при этом из того, что характер и объем вопросов, подлежащих разрешению при установлении вины лица, должен определяться совокупностью законодательных признаков умысла и неосто-

рожности, а также специфическими признаками субъективной стороны того или иного состава преступления (6. С. 148). Вместе с тем они предпочли говорить не о «предмете исследования», а о «логической программе установления вины», переименовав ее позднее в «алгоритм установления вины» (7..С.26—27). Программа (алгоритм), по их мнению, представляет собой «строго определенный, исчерпывающий круг вопросов и порядок их разрешения при выяснении субъективной стороны преступления. Причем это такой порядок разрешения вопросов при определении вины, ее содержания, формы и степени, — уточняют авторы, — при котором разрешение каждого предыдущего вопроса дает основание для разрешения последующего и позволяет сделать общий однозначный вывод о субъективной стороне совершенного деяния» (6.С.147).

Поскольку уже речь идет о доказывании определенной совокупности элементов внутренней, психической стороны преступных проявлений, т. е. о их познании, ибо «доказывание есть вообще опосредствованное познание» (1.С.133), то круг подлежащих разрешению при этом вопросов предпочтительнее называть не программой или алгоритмом, а предметом познания или доказывания. Применительно к познанию термин «предмет» в философии обозначает «зафиксированные в опыте и включенные в процесс практической деятельности человека стороны, свойства и отношения объектов, исследуемые с определенной целью в данных условиях и обстоятельствах» (2 С. 379), а в словарном значении — «то, на что направлена познавательная или творческая деятельность» (3. С. 366). Термин же «программа» в сочетании с термином «познание» не употребляется; программа обозначает «содержание и план предстоящей деятельности, работы и т. п.» (3. С. 476). В связи с этим программу предстоящей деятельности субъекта доказывания и способы составляющих ее действий нужно рассматривать лишь в качестве того пути, который избран им для изучения определенных отношений и сторон данного объекта, включенных в процесс познания, т. е. его предмета. Обратимся же, однако, к сути самой упомянутой «логической программы».

П. С. Дагель и Р. И. Михеев полагают, что для «установления вины следует выяснить, во-первых, каково было психическое отношение (обвиваемого.-В.З.) к объективным обстоятельствам, фактически имевшим место; во-вторых, что на самом деле охватывалось сознанием и волей субъекта во время

совершения общественно опасного деяния» (6. С. 153). Чтобы достичь этого, авторы предложили осуществить последовательно ряд мероприятий. По их мнению: 1) «специально должен быть исследован вопрос о мотивах и цели совершения деяния, без чего во многих случаях невозможно правильно решить вопрос ни о содержании, ни о форме вины обвиняемого...; 2) в необходимых случаях следует поставить и разрешить вопрос о наличии или отсутствии обстоятельств, исключающих виновность деяния или влияющих на характер субъективной стороны...; 3) на этой основе необходимо решить, сознавал или не сознавал обвиняемый общественно опасный характер своего деяния, а если не сознавал, то должен был или мог ли он сознавать...; 4) после выяснения указанных выше вопросов, решается вопрос о форме вины обвиняемого, т. е. о наличии в его действиях умысла прямого или косвенного, либо самонадеянности или небрежности. Этот вопрос решается путем установления совпадения признаков уже выясненного психологического отношения субъекта к деянию и его последствиям с признаками умысла или неосторожности, указанными в ст. 8 и 9 Основ...

«Установлением в деянии лица умысла или неосторожности решается вопрос о его виновности в совершении преступления», — специально отметили авторы в конце изложения своей «программы», но тут же неожиданно добавили, что «в необходимых случаях устанавливается разновидность умысла (определенный или неопределенный, простой и т. д.) или неосторожности» и «делается вывод о степени вины лица, совершившего преступление» (6. С. 153—154; 7. С. 34—36).

Даже самый общий анализ, встречающихся в литературе тех немногих (и приведенных здесь) мнений, обнаруживает не только серьезные расхождения между ними, но и некоторые общие для них недостатки.

М. Нокербеков объединил в предмете исследования обстоятельства, характеризующие (по его терминологии) виновность обвиняемого, с обстоятельствами, ее устанавливающими. В результате их смешения нельзя понять, какие же обстоятельства необходимо выяснить по делу, чтобы на их основе можно было устанавливать все юридически значимые элементы психологического механизма совершенного деяния, и вопросы, подлежащие разрешению в процессе их установления на основе таких обстоятельств.

В. Я. Дорохов и В. С. Николаев отступили не только от последовательности (логической и установленной законом)

выяснения, но и от законодательного определения признаков интеллектуального элемента вины в форме умысла. Н. В. Жогин и Ф. Н. Фаткуллин «поглотили» первый из этих признаков вторым, дополнительно присоединив к их «совокупному» содержанию еще и признаки психического отношения лица к деянию и его последствиям при вине в форме неосторожности. С. В. Бородин и другие авторы сочли возможным поставить на разрешение вопрос об отграничении вины от случайного причинения вреда еще до выяснения упомянутых выше признаков, а следовательно, еще до попытки установления формы вины, ибо суд, по их мнению, доказывает форму вины после разрешения им данного вопроса, очевидно, опять-таки без постановки и разрешения вопросов о признаках интеллектуального элемента субъективной стороны. Вопреки своему же Справедливому утверждению, что для отграничения вины от субъективного случая (казуса) «необходимо вначале выснить содержание психических компонентов, составляющих психическое отношение лица к содеянному» (6. С. 151), П. С. Дагель и Р. И. Михеев в «логической программе» предложили совсем противоположное, не видя при этом потребности в выяснении психического отношения лица еще и к последствиям содеянного, т. е. предвидения им последствий своего деяния.

При анализе приведенных мнений обнаруживается также и то, что установление формы вины нередко предлагается наряду с выяснением мотивов и цели совершения деяния и содержания интеллектуального элемента его субъективной стороны или с установлением виновности субъекта; зато установление разновидности умысла или неосторожности и степени виновности обвиняемого дается при этом почему-то даже без упоминания о необходимости выяснения содержания волевого элемента субъективной стороны совершенного лицом деяния. В итоге получается, что при избытке вопросов о признаках интеллектуального элемента субъективной стороны деяния наблюдается немалый дефицит вопросов о признаках волевого ее элемента, невосполняемый вопросами, производными от основных.

Критический анализ не исключает вместе с тем возможности сказать, что позиция П. С. Дагеля и Р. И. Михеева выгодно отличается от иных приведенных мнений, хотя не все и в их «логической программе» представляется, как уже отмечалось, безупречным, что свидетельствует о необходимости ее усовершенствования. Однако Б. Я. Петелин признал

эту «логическую программу» порочной в своей основе. Главным ее недостатком он считает то, что «в ней игнорируется гносеологическая характеристика вины как недоступного чувственному восприятию объекта следственно-судебного познания, ничего не говорится о необходимости выявления внешних форм ее проявления и конкретных методов получения данных о ней в ходе следствия и суда» (14.С.85—86).

Выступая против «логической программы», Б. Я. Петелин не учел того, что «в процессе познания вины подлежит установлению, — как справедливо заметил он сам, — весь психологический механизм преступного поведения» (14. С. 88). Поскольку это так, то необходимо определить характер и объем вопросов, разрешением которых будет обеспечиваться полнота исследования названного механизма. Но именно данные вопросы и последовательность их разрешения авторы и назвали «логической программой (алгоритмом) установления вины». Поэтому в ней не может ни игнорироваться, ни быть принятой во внимание гносеологическая характеристика вины, как не может быть и указания о необходимости выявления внешних форм выражения вины и конкретных методов получения данных о ней. О необходимости установления последних, как и о недопустимости игнорирования гносеологической характеристики вины, уместно говорить лишь при определении и установлении тех объективных обстоятельств, учет совокупности которых позволяет субъекту доказывания получить представление о субъективной стороне совершенного лицом деяния. Но чтобы исключить пробелы и ошибки при ее установлении, необходимо все же точно знать, какие вопросы и в какой последовательности должны быть при этом разрешены на основе ранее указанных объективных обстоятельствах уголовного дела.

Позиция П. С. Дагеля и Р. И. Михеева, их «логическая программа», а также высказанные ее авторами замечания о позициях других ученых, заслуживают особо пристального внимания. Развитие и дополнение ими критического анализа иных суждений позволит полнее вскрыть недостатки последних, а равно и «программы» самих авторов, что поможет в дальнейшем точнее определить предмет исследования при установлении виновности обвиняемого в совершении преступления. При этом исходным должно стать положение о том, что закон одинаково определяет умысел для всех преступлений, совершаемых умышленно (ст. 8. ОУЗ, ст. 8 УК РСФСР), равно как и неосторожность для всех преступ-

лений, совершаемых по неосторожности (ст. 9 ОУЗ, ст. 9 УК РСФСР). Для каждой формы вины и даже для каждого вида умысла (прямого или косвенного) и неосторожности (самонадеянности и небрежности) он предусматривает при этом строго определенный объем и характер признаков субъективной стороны деяния, относящихся к интеллектуальному либо к волевому элементам вины. Установленный законом объем и характер таких признаков не может быть произвольно изменен при разрешении уголовных дел в зависимости от категории или вида преступления, либо особенностей его состава. Основанием для разграничения умысла и его видов, неосторожности и ее видов служит, как известно, различное соотношение признаков интеллектуального и волевого элементов. Чтобы избежать пробелов и ошибок в каждом случае установления виновности обвиняемого, предмет исследования действительно должен охватывать полный объем законодательных признаков субъективной стороны преступных проявлений о любом преступлении, каким бы ни была его юридическая конструкция и в какой бы форме оно ни проявлялось.

1. Ленин В. И. Философские тетради // Поли. собр. соч. Т. 29.
2. Философский словарь. М., 1986.
3. Словарь русского языка. В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1983. Т. 3.
4. Бородин С. В. Рассмотрение судом уголовных дел об убийствах. М.: Юрид. лит. 1964.
5. Дагель П. С. Котов Д. П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та. 1974.
6. Дагель П. С. Михеев Р. И. Теоретические основы установления вины. Владивосток, 1975.
7. Дагель П. С. Михеев Р. И. Алгоритм установления вины // Уголовная ответственность и ее реализация. Куйбышев, 1985.
8. Дорохов В. Я., Николаев В. С. Обоснованность приговора в советском уголовном процессе. М., 1959.
9. Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. М., 1965.
10. Заблоцкий В. Г. Установление фактических обстоятельств уголовного дела и квалификация преступления // Правоведение. 1974. № 1.

11. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972.
12. Народный суд. Воронеж, 1970.
13. Нокербеков М. Предмет доказывания в советском уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Алма-Ата, 1964.
14. Петелин Б. Я. Методы установления вины // Сов. гос-во и право. 1983. № 10.

Н. Г. Стойко

ОБЕСПЕЧЕНИЕ НЕОТВРАТИМОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И УСТАНОВЛЕНИЕ ВИНОВНОСТИ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Уголовное судопроизводство представляет собой сложную полипроцессуальную и полицелевую деятельность, понимаемую так: «...специфически человеческая форма активного отношения к окружающему миру, содержание которого составляет его целесообразное изменение и развитие» (15. С. 151; см. также: 8.С.85; 10.С.214, 223). Осуществляться она должна в соответствии с личной позицией (реальным самоопределением, обусловливаемым воспитанием) представителей органов предварительного расследования, прокуратуры и суда, их целевой функцией (ролью и социальным назначением, определяемым законом) и жизненной ситуацией.

От первой зависит идеологическое, политическое и нравственное содержание уголовно-процессуальной деятельности, от второй — движение уголовного дела (формальное функционирование), от последней — особенности конкретного судопроизводства.

С учетом сказанного уголовный процесс можно интерпретировать как деятельность, направленную на достижение нравственно-психологических, правовых и познавательных целей. На наш взгляд, речь идет о трех группах задач (целей), сформулированных в ст. 2 УПК РСФСР:

- 1) быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение всех виновных в их совершении (познавательные);
- 2) обеспечение правильного применения закона (правовые);